

Ртищевская школа.

Существованіе школы, будто бы заведенной въ промежутокъ времени между 1645 и 1649 годами Ѳ. М. Ртищевымъ въ Андреевскомъ монастырѣ подѣ Москвой, является однимъ изъ вопросовъ, надѣ которыми ученые ломаютъ головы и не могутъ столкнуться, расходясь между собою до полной иногда противоположности. По данному вопросу разница взглядовъ выражается, говоря кратко, въ томъ, что одни историки готовы отрицать самый фактъ учрежденія школы, другіе, и притомъ огромное большинство, указываютъ не только годъ основанія ея, но и называютъ имена ея наставниковъ и даже учениковъ.

Первоисточникомъ нашихъ свѣдѣній объ Андреевскомъ монастырѣ и школы въ немъ служить, безъ сомнѣнія, „Житіе милостиваго мужа Феодора, званіемъ Ртищева“¹⁾. До послѣдняго времени этому памятнику придавали первостепенное значеніе для изображенія не только личности самого Ртищева, но и окружавшихъ его лицъ и взаимныхъ ихъ отношеній. Особенно довѣрчиво и съ преувеличеннымъ уваженіемъ отнеслись къ нему К. Н. Бестужевъ—Рюминъ²⁾ и В. О. Ключевскій³⁾. Между тѣмъ произведенный И. П. Козловскимъ анализъ содержанія „Житія“ и состава того сборника, гдѣ онъ помѣщенъ, даетъ видѣть, что если происхо-

¹⁾ Этотъ памятникъ хранится въ Московской Синодальной библиотекѣ № 716. Напечатанъ впервые Н. И. Новиковымъ въ Древней Россійской Вивлиоикѣ, т. XVIII (1791 г.), но не совсемъ исправно. Вновь изданъ г. Козловскимъ въ приложеніи къ монографіи: „Ѳ. М. Ртищевъ. Историко-литературное изслѣдованіе,“ 155—168, (Кіевъ, 1906).

²⁾ Русская исторія, п. I, введеніе, 56.

³⁾ Добрые люди древней Руси.

жденіе того и другого не должно отодвигать далѣе 1705 г. ¹⁾ и если автора „Житія“ нужно искать среди домочадцевъ Ѳ. М. Ртищева; то во всякомъ случаѣ это былъ человѣкъ, познакомившійся съ семьей Ртищева позднѣе и не игравшій никакой общественной роли, почему миновавшій въ своемъ произведеніи нѣкоторыя стороны общественной и государственной дѣятельности своего героя. Можетъ быть даже, что авторъ былъ только рассказчикомъ и съ его словъ „Житіе“ было написано кѣмъ-либо другимъ, какимъ-нибудь начетчикомъ, мало знавшимъ Ртищева и потому не пополнившимъ его біографіи своими свѣдѣніями ²⁾. Какъ бы то ни было, убѣжденіе въ святости Ртищева и назидательныя цѣли, преслѣдуемая авторомъ, превратили біографію его героя въ „Житіе“ обычнаго типа, въ которомъ реальное содержаніе вытѣснено общими мѣстами. Вслѣдствіе всего этого и свѣрки содержанія „Житія“ съ другими документами, для г. Козловскаго представилась возможность сдѣлать такое заключеніе, что событія, рассказанныя составителемъ, зачастую имѣютъ ничтожное значеніе не только въ исторіи, но даже въ біографіи героя, тогда какъ многіе крупныя факты жизни Ртищева ускользнули отъ его вниманія. Отсюда изслѣдователь дѣлаетъ выводъ, что „Житіе“ должно быть лишено „значенія первостепеннаго историческаго памятника“; въ немъ цѣнны только „подробности домашней жизни Ртищева, но и къ нимъ, въ виду панегирическаго тона „Житія“, надо относиться съ нѣкоторой осторожностью“ ³⁾. Послѣ сказаннаго мы получаемъ опору для надлежащаго отношенія и къ свидѣтельству „Житія“ о просвѣтительной дѣятельности Ртищева и основанномъ имъ Андреевскомъ монастырѣ.

Но прежде два слова о самомъ Ртищевѣ. Феодоръ Михайловичъ Ртищевъ родился въ апрѣлѣ 1625 г. Въ 1645 г. онъ получилъ должность „стряпчаго у кряка“, въ 1648 г.— царскаго постельничьяго, 6 янв. 1656 г. возведенъ въ околничіе, въ 1657 г. управлялъ Дворцовымъ суднымъ приказомъ, а можетъ быть и приказомъ Большаго Дворца и затѣмъ выдѣлившася изъ него Тайнаго приказа. При этихъ

¹⁾ Сборникъ составленъ не ранѣе 1696 г. и не позднѣе 1705 г.

²⁾ Козловскій предположительно называетъ здѣсь старца Евиміа и Каріона Истомина.

³⁾ „Ѳ. М. Ртищевъ“, 22—26.

должностяхъ онъ былъ и дворецкимъ. Въ 1661—1663 гг. Ртищевъ завѣдывалъ Приказомъ Лифляндскихъ дѣлъ, въ 1662—1664 гг.—Большого Дворца. Скончался 21 іюня 1673 года ¹⁾).

Вотъ объ этомъ самомъ Ртищевѣ его „Житіе“ рассказываетъ: „Велію же той Христоподражательный мужъ имѣ любовь ко святѣй и величѣй лаврѣ Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы и Приснодѣвы Маріи Печерской, яже въ Кіевѣ, въ нюже и милостыю не малу творяше. Отъ превосходящія же ко Богоматере любве и ея святыя Печерскія обители во царствующій градъ Москву братіямъ и инымъ тоя страны инокомъ нематежнаго упокоенія положи начало благо и соверши дѣло, памяти достойно. Ибо поискавъ, обрѣте мѣсто близъ царствующаго града Москвы, отстояще двѣма попрлицема, на брезѣ рѣки Москвы, въ горахъ, идѣже бѣ церковь святаго великомученика Андрея Стратилата, къ жительству иноческаго собранія потребно: еще же прилежаще и близъ пути изъ града Кіева въ царствующій градъ лежащаго. За благовоніемъ царскимъ и за благословеніемъ св. патріарха Іосифа, устрои на томъ мѣстѣ монастырь, во имя Преображенія Господа и Бога и Спаса нашего Іисуса Христа; и въ потребная того монастыря отъ своего имѣнія даяше нещадно. Въ онъ же на житіе призва изъ Кіева изъ святыя Лавры Печерскія и изъ Межигорскаго и изъ иныхъ Малороссійскихъ монастырей иноковъ, числомъ тридесять, въ житіи и чинѣ и во чтеніи и пѣніи церковномъ и келейномъ правилѣ изрядныхъ и избра тому монастырю игумена, мужа добродѣтельнымъ украшенна, именемъ Досіѣея ²⁾. Еще же призва отъ Кіева, изъ св. Лавры Печерскія, священномонаха Епифанія, мужа мудраго и во иныхъ изряднаго, къ сему же и другихъ иноковъ во ученіи извѣстныхъ, да предадутъ ученіе граматикѣ славенской и греческой, даже до реторикѣ и философій, хотящимъ тому ученію внимати. И за его благимъ потщаніемъ, тѣи иноцы отъ греческаго языка на славенскій многи душеполезныя книги преведоша. Епифаніи же, за его же прошеніемъ, многимъ трудомъ и тщаніемъ

¹⁾ Козловскій И. „В. М. Ртищевъ“, 28, 29, 30—34, 36.

²⁾ По догадкѣ г. Козловскаго, это тотъ Досіѣей, который послѣ былъ однимъ изъ видныхъ сотрудниковъ протопопа Аввакума и дѣятелей раскола (73, пр.).

сочини книгу Лексиконъ, рѣченія языка славенска и греческа, и со инѣми языки, въ наученіе и во уразумѣніе учащимся потребный“. Съ этими „мудрыми и божественнаго писаніе изящными“ мужами „сеи любомудрія рачитель Теодоръ“ въ „любезномъ ему бесѣдованіи иногда цѣлыя ночи бодростнѣ“ препровождалъ ¹⁾.

Свидѣтельство „Житія“, собственно говоря, различаетъ два момента: а) основаніе Ртищевымъ Андреевскаго монастыря съ заселеніемъ его тридцатью малороссійскими иноками, искусными въ чтеніи, пѣніи и въ монашескомъ дѣланіи. и б) вызовъ сверхъ того („еще же“, „къ сему же“) ученыхъ монаховъ, во главѣ съ Епифаніемъ Славинецкимъ, для учительства и перевода книгъ. Но ученые, сливая оба эти момента, обычно количество всѣхъ вызванныхъ Ртищевымъ малороссійскихъ старцевъ опредѣляли цифрой 30 и всѣхъ ихъ считали учеными монахами. Въ это число въ прежнее время включали и Епифанія Славинецкого, котораго называли ректоромъ основанной Ртищевымъ послѣ 14 мая 1649 г. школы, управлявшимъ ею до 1652 г., до своего перевода въ училище, учрежденное п. Никономъ. Съ разными вариантами этого мнѣнія держались м. Евгеній ²⁾, И. Сахаровъ ³⁾, Голиковъ ⁴⁾, Н. А. А. ⁵⁾, Берхъ ⁶⁾, С. К. Смирновъ ⁷⁾, Аскоченскій ⁸⁾, Шаповъ ⁹⁾, Пѣвницкій ¹⁰⁾, Соловьевъ С. М. ¹¹⁾, Костомаровъ ¹²⁾,

1) „Ө. М. Ртищевъ“, 157, 158.

2) Словарь писателей духовнаго чина, I, 172—73.

3) Русское ученое общество въ XVII ст. Утренняя Заря-альманахъ на 1839 г., издавныи В. Владиславлевымъ, 8—10.

4) Дѣянія Петра Великаго XIII (М. 1840), 143.

5) Всероссийскіе патріархи. Чтенія въ Моск. обществѣ исторій и древностей россійскихъ, годъ III, № 4, 123.

6) Царствованіе Алексѣя Михайловича, II, 18.

7) Исторія Московской славяно-греко-латинской академіи (1855), 5—6.

8) Кіевъ съ древнѣйшимъ его училищемъ академіей, I. (1856), 161, 162.

9) Русскій расказъ старообрядства. 69.

10) Епифаній Славинецкій. Труды Кіевской духовн. академіи. 1861, II, 408—410.

11) Исторія Россіи X, 150.

12) Русская исторія въ жизнеописаніяхъ, V, 386. Впрочемъ Костомаровъ въ другомъ мѣстѣ говоритъ что число прибывшихъ съ Епифаніемъ монаховъ неизвѣстно, но что впоследствии количество работавшихъ подъ его руководствомъ ученыхъ труженниковъ простиралось до 30 чел., считая и велькоросовъ.

Н. И. Петровъ ¹⁾, І. Татарскій ²⁾, А. Андріяшевъ ³⁾ и др. Рядъ защитниковъ этого устарѣвшаго мнѣнія доходитъ до нашихъ дней,—его поддерживали даже въ 1912 г. ⁴⁾.

Позднѣе, когда открылось что Епифаній Славинецкій былъ вызванъ не Ртицевымъ, а царемъ, и поселился не въ Андреевскомъ монастырѣ, а въ большомъ посольскомъ дворѣ, откуда и былъ взятъ въ Чудовъ монастырь,—его исключили изъ числа тридцати. Но такъ какъ по показанію „Житія“ все же придавалась прежняя степень вѣры, то нужно было какъ-нибудь согласовать его съ открывшимися документальными свидѣтельствами. М. Макаріи представилъ дѣло такъ, что царскій постельничій Ѳ. М. Ртицевъ, еще до отправления царемъ письма къ м. Коссову ⁵⁾, построилъ въ двухъ верстахъ отъ Москвы, по Кіевской дорогѣ, близъ церкви св. Андрея Стратилата, монастырь точно такого, какого желалъ нѣкогда Петръ Могилъ ⁶⁾. И благодаря, безъ сомнѣнія, вліянію царскаго письма, посланнаго въ Кіевъ, Ртицевъ успѣлъ еще въ томъ же 1649 году вызвать въ свой монастырь на жительство изъ Кіево-Печерской Лавры, изъ Межигорскаго и другихъ кіевскихъ монастырей „инокъ изящныхъ въ ученіи грамматики словенской и греческой, даже въ риторикѣ и философіи“. И вотъ прибывшіе тогда изъ Кіева иноки, до 30 чел., „немедленно открыли свое обученіе для всѣхъ желающихъ“, причемъ первымъ ихъ ученикомъ былъ самъ

¹⁾ Кіевская академія со второй половинѣ XVII в. (Труды Кіев. дух. акад. 1895, VIII, 602—603).

²⁾ Симеонъ Полоцкій (его жизнь и дѣятельность). М. 1886, 22.

³⁾ Кіевскіе просвѣтителі XVII в. въ Москвѣ. (Кіев. народный календарь мѣсяцесловъ) на 1889, подъ редакціей А. Андріяшева, 61-62. Впрочемъ здѣсь говорится почему-то о вызовѣ ученыхъ малороссовъ во главѣ съ Славинецкимъ.

⁴⁾ См., напр., Русская исторія XVII и первой четверти XVIII в.,—литографированный курсъ лекцій въ Московскомъ университетѣ М. К. Любавскаго (М. 1912), 150—151, и Н. Протасова, Богосл. Вѣстн. 1912, X, 385.

⁵⁾ Разуѣдается царская грамота отъ 14 мая 1649 г. съ приглашеніемъ въ Москву для исправленія библіи Арсенія Сатановскаго и Дамаскина Птицаго.

⁶⁾ Кіевскій митрополитъ Петръ Могилъ въ 1640, предлагалъ царю учредить въ Москвѣ обитель, въ коей бы монахи-кіевляне обучали дѣтей славянской и греческой грамотѣ (Акты южной и западной Россіи, III, № 33).

Ртищевъ, проводившій цѣлыя ночи въ бесѣдахъ со старцами и въ изученіи греческой грамматики ¹⁾.

Такимъ образомъ уже м. Макарій умолчалъ, говоря о Ртищевѣ, о Славинецкомъ и призналъ *одновременнымъ* вызовъ малороссійскихъ монаховъ царемъ и его молодымъ постельничымъ. Впослѣдствіи историческая наука склонилась къ тому, чтобы считать вызовъ монаховъ Ртищевымъ совершившимся даже ранѣе правительственнаго,—и такое представленіе дѣла является, по словамъ г. Ротаря, „прочно теперь установившимся“ мнѣніемъ ²⁾.

И, дѣйствительно, его держится цѣлый рядъ крупныхъ церковныхъ историковъ, начиная съ А. В. Горскаго ³⁾. Мы видимъ на сторонѣ его Н. Θ. Калтерева ⁴⁾, П. Θ. Николаевского ⁵⁾, Е. Е. Голубинскаго ⁶⁾, В. О. Эйнгорна ⁷⁾, Сменцовскаго ⁸⁾ и другихъ. Вотъ какъ излагаетъ его одинъ изъ его представителей, г. Стерженко. Когда въ 1640 г. м. Петръ Могила предложилъ „ц. Миханлу устроить въ Москвѣ довольно обычный на юго-западѣ типъ училищнаго монастыря, монахи котораго помимо заботъ о спасеніи своихъ собственныхъ душъ, занимаются просвѣщеніемъ мірскихъ душъ“ ⁹⁾, „московское правительство не рѣшалось ни на основаніе монастыря, ни на вызовъ подозрительныхъ для него южно-русскихъ ученыхъ“ (хотя, замѣтимъ отъ себя, оно съ монахами-кѣвлянами было хорошо знакомо свыше двадцати лѣтъ и основывало для нихъ монастыри въ предѣлахъ своего государства). „На что не могло отважиться правительство, то

¹⁾ Исторія русской церкви XI, 133-134.

²⁾ Епифаній Славинецкій, литературный дѣятель XVII в.—Кіевская старина, т. 71 (1900 г.), 16.

³⁾ Описаніе рукописей Московской Синод. библіотеки, II, ч. 3, № 291.

⁴⁾ Православное обозрѣніе, 1887, I, № 163.

⁵⁾ Христіанское чтеніе, 1890, I.

⁶⁾ Къ нашей полемикѣ съ старообрядцами. Богосл. Вѣстникъ 1892, I, 285.

⁷⁾ Чтенія въ Моск. Общ. ист. и древн. рос. 1893, II, 57.

⁸⁾ Братья Лихуды, 18.

⁹⁾ Этотъ типъ монастырей въ дѣйствительности былъ представленъ на юго-западѣ только Кіевскимъ Богоявленскимъ монастыремъ, въ школу которю всѣ или почти всѣ преподаватели были монахи, да и то она содержалась не самимъ монастыремъ, а братствомъ при немъ. Въ другихъ же монастыряхъ если и были училища, то опять-таки братскія и учили въ нихъ больше свѣтскіе люди.

легко было осуществить частному лицу въ интересахъ правительства, какъ послушному орудію въ его рукахъ“. Такимъ лицомъ и былъ Ртицевъ, выстроившій Андреевскій монастырь на берегу р. Москвы, „Монастырь, а съ нимъ и школа, основаны были въ промежуткѣ между 1645 и 1647 годами, вызвано было до 30 ученыхъ иноковъ“ для преподаванія наукъ до философіи включительно ¹⁾. Упомянутый выше Ротарь, біографъ Славинецкаго, вполне примыкая къ этому различенію Ртицевскаго вызова монаховъ, который онъ относитъ то къ 1645—7 гг., то къ 1645—9 гг., и правительства, усиливаетъ мысль о необходимости для правительства предпослать частный вызовъ официальному: правительство только тогда рѣшилось пригласить ученыхъ кievлянъ, когда южноруссы ртицевскаго вызова водворились на Москвѣ и не вызвали въ средѣ москвичей бурнаго недовольства и протеста. Такимъ образомъ, по г. Ротарю правительство только „въ видѣ отвѣта предоставило вызовъ ученыхъ иноковъ частному лицу“ ²⁾. Подобнымъ же образомъ думаетъ и новѣйшій біографъ Ртицева, г. Козловскій ³⁾.

Не смотря на то, что изложенное представленіе событіи принято весьма авторитетными учеными, оно на нашъ взглядъ страдаетъ двумя крупными недостатками—психологическаго характера и—документальнымъ. Правительство, будто бы еще не знавшее южнорусскихъ монаховъ, рѣшило позволить Ртицеву открыть школу только въ видѣ опыта, чтобы, разумѣется, въ случаѣ неудачи прекратить дальнѣйшіе вызовы ученыхъ монаховъ кievской марки. Что же оказывается? По свидѣтельству г. Сторожева, Ртицевская школа дѣйствительно была принята народомъ непріязненно: она „не только возбуждала умы, но и разгорячала страсти,—ея представители внесли смуту въ Московское общество... часть этого общества возстала противъ нихъ подъ видомъ религіозной ревности, въ основѣ которой была добрая доля оскорбленнаго самолюбія“ ⁴⁾. И, тѣмъ не менѣе, правительство послѣ такого опыта само вызываетъ кievскихъ ученыхъ, рискуя еще большей

¹⁾ Къ исторіи русскаго просвѣщенія XVII в.—Кievская старина, XXVII, (1890) 337—339.

²⁾ Кiev. старина, т. 71 (1900), 16. 17; ср. 376, 378.

³⁾ О. М. Ртицевъ, 77—79.

⁴⁾ Кievская старина, XXVII, 343. 344.

смутой, что и случилось, по Сторожеву. Трудно объяснить такое упорство правительства, если допустить, то неудачный опытъ Ртищева предшествовалъ официальному вызову.

А затѣмъ должно сказать, что мысль о вызовѣ кievскихъ монаховъ Ртищевымъ въ 1645—1647 годахъ не находитъ никакого документальнаго подтвержденія. Почти все дѣла о приѣздахъ въ Москву малороссовъ „на вѣчное время“ или не надолго сохранились въ Московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ; приѣхать въ Москву безъ соотвѣтствующей переписки почти невозможно было. Но среди нихъ нѣтъ ни одного, которое бы подтверждало принятое наукой мнѣніе. Нѣтъ ихъ и въ архивѣ Ртищевыхъ, поступившемъ недавно, въ составѣ Коншинскаго архива, въ Императорскую академію наукъ. Здѣсь мы не нашли ни одного документа, доказывающаго фактъ сношеній Ѳ. М. Ртищева съ Кіевомъ по вопросамъ просвѣтительнаго характера: все, что тутъ есть, принадлежитъ къ документамъ хозяйственно-экономическимъ. Что касается Архива министерства иностранныхъ дѣлъ, то тамъ мы нашли указанія если не на вызовъ Ртищевымъ монаховъ изъ Малороссіи, то на поселеніе являвшихся по собственному почину старцевъ въ Андреевскомъ монастырѣ и притомъ не въ 1645—9 гг., а въ послѣдующіе, и такихъ монаховъ мы насчитали до 25,—цифра недалекая отъ сообщаемой „Житіемъ“.

Первое упоминаніе о поселеніи кievскихъ монаховъ въ Андреевскомъ монастырѣ встрѣчается подъ 1651 г., когда вышедшій на государево имя Батуринскій Крыпецкій игумень Исихій, назначенный было въ игумены Молченскаго монастыря, просилъ государя помѣстить его „подъ своею царскою свѣтлостію“, у св. великомученика Андрея Стратилата „въ пленицахъ въ новѣ мѣстѣ“. Но и онъ не сразу хотѣлъ поселиться тамъ ¹⁾. Въ томъ же 1651 г. велѣно было „жить за Бѣлымъ городомъ въ Андрѣевскомъ монастырѣ“ явившимся 24 сент. межигорскимъ старцамъ: чернымъ попамъ Теофану да Лаврентію, старцамъ Исаи, Каріону, Іоанникію, Самуилу, Симеону, Неофиту, Діонисію, Николаю, Адріану, Павлу да служкѣ Ивашкѣ и кievo-михайловскимъ іерод. Мартирію да старцу Геронтію ²⁾. Въ 1652 г. 27 марта дана

¹⁾ Малоросс. дѣла 1651, № 7.

²⁾ Малоросс. дѣла 1651, № 17, л. 6.

иноческая грамота выходцу черному попу изъ Кіева Анастасію, постриженію Тригорскаго монастыря, которому по государеву указу велѣно быть въ новомъ Андреевскомъ монастырѣ. Въ маѣ упоминаются имена еще четырехъ лицъ, посланныхъ или поставленныхъ „въ Андреевскій монастырь во Пленіцы къ церкви Преображенія и Андрея Стратилата, что на Москвѣ за Бѣлымъ городомъ“. Это инокъ Мартирій, кіевлянинъ, произведенный въ попы, иноки-кіевляне Михаилъ и Серапіонъ, поставленные въ діаконы, черный попу Варнава, рукоположенный въ Кіевѣ и постриженный въ Кіевскомъ Батурецкомъ (?) монастырѣ. Ему дана 31 мая иноческая грамота по челобитной, принесенной отъ него Рязположенскимъ священникомъ Никифоромъ да игуменомъ Андреевскаго и Донскаго монастырей ¹⁾. Въ томъ же 1652 г. посланы въ Андреевскій монастырь вновь вышедшіе густынскіе старцы Елисей и Евстратій ²⁾. Въ 1653 г., въ мартѣ, просился въ „особый иноземскій монастырь“, который, по милости государевой строить на Москвѣ, іером. Феодосій, посланный вмѣсто того въ Кожеозерскій монастырь ³⁾. Въ 1654 г. въ Андреевскій монастырь просились и 21 авг. были посланы государемъ четыре старца изъ Кужеинскаго Оршанскаго монастыря: Северіанъ, Арсеній, Максимъ, Агапихъ ⁴⁾. Въ 1656 г. явились въ Москву на вѣчное житіе и поселились въ Андреевскомъ монастырѣ черный старецъ Адріанъ съ братомъ Семеномъ—изъ Бѣлой церкви ⁵⁾.

Возможно, что южно- и западно-русскихъ выходцевъ въ Андреевскомъ монастырѣ было гораздо больше, но мы не видимъ, чтобы они селились тамъ до 1651 г. и чтобы въ ихъ переходѣ и поселеніи принималъ участіе Ртищевъ. Все поименованные выше монахи появлялись въ Москвѣ болѣе или менѣе случайно и о намѣренномъ подборѣ не можетъ быть и рѣчи. Иногда они приходили въ Москву цѣлыми

¹⁾ Имя игумена не разобрано. Записная книга ставленниковъ—Москов. синод. бібліотека № 424, л. 51 об., 60, 63 об. Ср. К. Невоструевъ, Запись о ставленникахъ Московскихъ церквей 1645—1666 годовъ. М. 1869, 19, 21, 23.

²⁾ Малоросс. дѣла 1652, № 10.

³⁾ Московскаго архива министерства юстиціи приказнаго стола столбецъ № 203, л. 5—12.

⁴⁾ А. Ю. и З. Россіи, XIV, № 8, стр. 221—222.

⁵⁾ А. Ю. и З. Р. XIV, л. 86.

партіями,—партіями и отсылались въ Андреевскій монастырь, безъ отбора учительныхъ старцевъ. Напротивъ, мы знаемъ, что въ это время ученые иноки проходили мимо Москвы въ провинцію и ихъ не пытались сохранить для Андреевскаго монастыря и его школы.

Участіе Ѡ. М. Ртищева яснѣе въ дѣлѣ вызова въ Москву малороссійскихъ пѣвчихъ въ 1652 г., да и то участіе не крупное ¹⁾.

Въ январѣ 1652 г. попъ пограничнаго города Путивля Иванъ Курбатовъ получилъ отъ Московскаго правительства наказъ ѣхать въ Кіевъ. А затѣмъ—объ этомъ сохранились два различныя показанія и оба очень цѣнныя. Отписка путивльскихъ воеводъ отъ 9 февр. говоритъ, что попъ Иванъ былъ посланъ въ Кіевъ „для книжныя покупки“, что выѣхалъ онъ изъ Путивля 21 января, и вернулся 9 февраля, но не одинъ: съ нимъ пріѣхали архидіаконъ Бритскаго монастыря Михаилъ и одиннадцать „вспѣваковъ“ (пѣвчихъ) во главѣ съ Ѡедоромъ Тернопольскимъ ²⁾. Всѣ они были пропущены въ Москву, гдѣ „стали у околыничего на Семеновѣ дворѣ Лукьяновича Стрешнева на Загородномъ“, а воеводскую отписку попъ Иванъ долженъ былъ подать въ посольскомъ приказѣ. Другое показаніе заключается въ челобитной царю архид. Михаила и „Ѡедора съ братіей, пѣвчихъ кіевскихъ“, отъ 3 мая. Здѣсь находится заявленіе, что пѣвчіе явились въ Москву по спеціальному приглашенію со стороны Ртищева, который однако былъ орудіемъ самого царя. „По твоему государеву посланію присылалъ по насъ постельничій твоего царскаго Величества священника Ивана, дабы мы пѣвчіи къ Москвѣ, твоего царскаго Величества ѣхали. И мы сіе услышавше, зѣло возрадовахомся, и, по твоему государеву велѣнію, азъ старецъ Михайло съ пѣвчими и съ творцомъ пѣнія строчнаго ³⁾ пріѣхали. И тотъ

¹⁾ Малороссійскія дѣла 1652 г. февр. 24—1653 г. іюля 30, № 15. Часть документовъ изъ этого дѣла была напечатана В. Ундольскимъ въ статьѣ: „Замѣчанія для исторіи церковнаго пѣнія въ Россіи“. (Чтенія въ Москов. обществѣ исторіи и древн. Росс., годъ II, № 3, стр. 23 и слѣд.) и въ *Актахъ Южной и Западной Россіи*, III, № 330.

²⁾ Послѣдній иногда называется въ „дѣлѣ“ Тернавскимъ, иногда—Ѡедкой Яковлевымъ.

³⁾ Т. е. съ Ѡедоромъ Тернопольскимъ.

священникъ Иванъ, наговаруя (убѣждая) насъ, обѣщаль, именемъ твоего царскаго Величества, намъ жалованья корму поденного, мнѣ старцу, по шести алтинъ, а всѣмъ инымъ пѣвчимъ по гривнѣ на всякій день, къ сему же и кормъ всякій, пищу и питіе и одѣяніе всякое нужное. И мы ему увѣривше, съ великимъ желаніемъ дерзнухомъ безъ сомнѣнія, на твоего царскаго Величества велѣніе ѣхати, нещуча, яко будетъ намъ сіе вся, по повѣствованію сего священника Ивана, се есть: кормъ, мзда и одежда и сего дѣлма (ради этого) вписахомъ имена наша, таможе и Иванъ священникъ грамоту твоего царскаго Величества положилъ, и на себе рукописаніе далъ, въ градскія и церковнія книги въ градѣ Гадячомъ, его королевскаго Величества. Такожде извѣстихомъ о насъ и преосвященному митрополиту Кіевскому Сильвестру Коссову“.

Такимъ образомъ, путивльскій священникъ Ив. Курбатовъ посланъ былъ за границу, въ Кіевъ, съ двумя порученіями государя, переданными ему письменно Ртицевымъ,—касательно книгъ и пѣвчихъ. Какъ онъ выполнилъ первое порученіе—неизвѣстно. Но за то мы знаемъ о привезенныхъ имъ пѣвчихъ. Имена ихъ фигурируютъ въ челобитной ихъ отъ 24 марта, гдѣ они по московскому обычаю называютъ себя въ уменьшительной формѣ: Оедка, Ооска (Осипъ), Сенка, Игнашка, Гришка, Ларка (Лаврентій), Еусташка (Евстаѳій), Микитка, Ондрушка, Данилко, Микулка (Николай). Здѣсь они, какъ и архид. Михайлъ, просили о выходномъ жалованьи и о мѣсячныхъ кормахъ. Послѣ справки въ Посольскомъ приказѣ, что доселѣ ни архидіаконы, ни пѣвчіе кіевскіе въ Москву не пріѣзжали, они получили выходное жалованье въ размѣрѣ: о. Михайлъ 8 р., Ѳ. Тернопольскій 5р., остальные десять пѣвчихъ по 4 р. и всѣ—мѣсячные кормы и питье, начиная съ 24 февраля. Но при опредѣленіи мѣсячныхъ кормовъ приходилось каждый мѣсяць повторять ходатайства о возобновленіи ихъ, и эти ходатайства иногда принимали виды отчаянныхъ слезницъ. Такъ, цитованная выше челобитная отъ 3 мая выставляетъ Михайла съ пѣвчими „безпомощными и беззащитными“, умирающими отъ нужды и голодной смерти. Положимъ, просители сильно преувеличивали и не пожалѣли густыхъ красокъ для обрисовки своего положенія. Изъ челобитной архид. Михайла

отъ 9 іюня видно, что онъ, получилъ питья годеннаго по двѣ кружки пива, по двѣ кружки меду цѣженнаго и по двѣ чарки вина боярскаго, добивался прибавки, — правда, „не пьянства ради еже въ насъ и нѣсть обычая, по совѣту божественнаго Павла не упиватися виномъ; не глаголю овогда стомаха ради, овогда чловѣческаго недуга ради, по тому же божественному Павлу“, „но прилучается людемъ и нарочитымъ бывать у мене, сего дѣла, славы ради царскаго твоего Величества, яко да имамъ чѣмъ почтити“ гостей... И количество питья архидіакону было увеличено въ полтора раза. Но онъ находился на особомъ положеніи, такъ какъ получилъ отъ правительства порученіе литературнаго свойства—переводъ какой то книги блаж. Августина, что задержало его въ Москвѣ до конца іюня 1653 г. Что же касается пѣвчихъ, то они отпущены были назадъ въ іюль 1652 г., такъ какъ по новой ихъ челобитной они были будто бы приглашены только до праздника Петра и Павла, а „не на вѣчное житіе“. Но что это едва ли такъ было, видно изъ того, что они получили жалованье за выходъ и не далѣе, какъ въ іюнь, выписали изъ Кіева еще одного земляка—пѣвчаго Александра Васильева. Уѣхалъ и онъ въ іюль. Очевидно, всѣ они разочаровались въ московской щедрости. А что касается любви къ нимъ и къ малороссійскому пѣнію Ртищева, то она ни въ чемъ и не проявилась.

Ближе къ Ртищеву стали двѣ другія партіи южно-русскихъ пѣвцовъ. Первые изъ нихъ вышли на царское имя въ мартѣ 1652 г. Это былъ кіевлянинъ Гришка Ив. Абрамовскій съ пятью товарищами. Имъ дано за выходъ по четыре рубля и по два алтына поденнаго корму и велѣно жить въ Андреевскомъ монастырѣ „во дьячкѣхъ.“ Жили они тамъ до 1654 г., когда велѣно было дать имъ вмѣсто поденнаго корму по три рубля на платѣе. Такъ какъ съ тѣхъ поръ имъ стало жить не изъ чего, то Андреевскій игумень позволилъ имъ бить челомъ въ службу, и 15 іюня Гришка Ивановъ билъ челомъ объ отсылкѣ его изъ Посольскаго приказа въ Иноземскій въ службу съ жалованіемъ. Челобитнѣ данъ ходъ и, вѣроятно, въ приложеніи не только къ Абрамовскому, но и къ его товарищамъ ¹⁾. Но и тутъ мы не видимъ ни

¹⁾ Приказныя дѣла 1652 г. и № 56.

пещерности Ртищева, ни его стремленія удержать у себя малороссійскихъ пѣвчихъ.

8 апрѣля 1652 г. прибыла въ Москву и тоже на вѣчное житье новая группа черкасскихъ пѣвцовъ. Явилась она по собственному почину, — „слышачи царскую неизреченную милость и православную христіанскую вѣру“ ¹⁾. Это были Якушка (Яковъ) Ильинъ, Петрушка Ивановъ, Ивашка Селиверстовъ, Мишка Осиповъ, Ромашко Павловъ, Гришка Ивановъ, Ивашка Нестарьевъ. Всѣ эти 26 апрѣля получили по 6 денегъ подепнаго корму. Изъ челобитной отъ 1 іюня мы узнаемъ, что изъ этихъ восьми пѣвчихъ шестеро „пошли въ Ондреевскій монастырь на житье“, а двое—„Петрушко Ивановъ сынъ Бережинскій и Мишко Осиповъ сынъ Быковскій“ помирали „голодною и студеною смертію“, потому что алтынъ въ день—деньги не большіе... Они просили о прибавкѣ, тѣмъ болѣе, что первый имѣлъ изъ Посольскаго приказа важное порученіе—„писати твое государево дѣло книгу Камень“ ²⁾. Они и получили прибавку: Бережанскій сталъ получать по 10 денегъ, а Быковскій—8. Затянувшаяся до зимы работа Бережанскаго надъ Лиѳосомъ заставила его просить о дачѣ ему свѣчь для занятій по вечерамъ и постоялаго двора,—такъ какъ ему жить негдѣ: очевидно, онъ не попалъ съ товарищами въ Андреевскій монастырь. 15 окт. ему велѣно было дать дворикъ.—и его поставили на подворьѣ у портного мастера у Каршика Кривога. Когда онъ довелъ работу до половины, ее у него взяли въ Посольскій приказъ, очевидно, на разсмотрѣніе, а онъ сталъ проситься въ Нижегородскій Дудинъ монастырь, гдѣ жило съ 1639 г. нѣсколько десятковъ монаховъ-малороссовъ и гдѣ онъ самъ хотѣлъ постричься. Пока послѣдовала благопріятная резолюція, онъ пытался пристроиться въ Андреевскомъ и въ Донскомъ монастыряхъ. Въ послѣднемъ онъ прожилъ недѣль съ пять у строителя Варнавы кіевлянина, послѣ чего „съ Москвы збрелъ безвѣстно, потому что въ умѣ помѣшался“, какъ сказано въ одной справкѣ... Пойманъ онъ былъ въ Брянскѣ,

¹⁾ Подробнѣе о мотивахъ выхода говорить Паньская челобитная,—о междоусобной брани, бѣдствіяхъ отъ татаръ, говеніяхъ отъ поляковъ и нежеланіи потерять православную вѣру.

²⁾ Рѣчь шла о переводѣ на великорусское нарѣчіе изданной м. Петромъ Могялой книги „Лиѳосъ“.

черезъ который пробирался за рубежъ. Отсюда вѣрно было вернуть его въ Москву ¹⁾.

Отсюда также видно, что богатый и „милостивый мужъ“, Федоръ Ртищевъ не только не поддерживалъ пѣвчихъ малороссовъ, но и стоялъ въ сторонѣ отъ тѣхъ изъ нихъ, которые занимались литературнымъ трудомъ. Сохранилось и еще одно дѣло о помѣщеніи въ Андреевскій монастырь двухъ киевлянъ и опять таки безъ упоминанія о Ртищевѣ. Въ 1653 г. вышли на государево имя два киевскихъ дьячка— Романъ Петровъ и Иванъ Ефремовъ. Вышли они съ москвичемъ Яковомъ Лихаревымъ, который затѣмъ пытался закабалить ихъ, какъ будто бы подаренныхъ ему гетманомъ Богданомъ Хмѣльницкимъ. По ихъ челобитью государь освободилъ ихъ отъ Лихарева и повелѣлъ быть въ церковныхъ дьякахъ въ Андреевскомъ же монастырѣ. Въ мартѣ они просили о кормахъ „противъ своихъ братій“. Дано имъ по надлежащей справкѣ по 2 алтына ²⁾.

Все доселѣ сказанное позволяетъ усомниться прежде всего въ вѣрности вывода, сдѣланнаго біографомъ Ртищева, будто онъ „завѣдывалъ приглашеніемъ изъ Кіева пѣвчихъ“, ³⁾ а затѣмъ заставляеть думать, что участіе его въ вызовѣ монаховъ въ Андреевскій монастырь не шло далѣе участія въ вызовѣ пѣвчихъ. Онъ иногда только игралъ роль посредника въ этомъ вызовѣ. Допустимо, что онъ давалъ имъ любезный пріютъ въ своемъ монастырѣ, но чтобы тутъ существовалъ ученый кружокъ; занимавшійся преподаваніемъ, переводными и оригинальными работами и цѣлонощными бесѣдами,—ни откуда не видно, и едва ли допустимо въ виду отдаленности Андреевскаго монастыря отъ центра города, гдѣ долженъ былъ жить постельничій государя. Да этого собственно и „Житіе“ не говоритъ. 30 монаховъ было вызвано по нему для монашескихъ подвиговъ, а не для науки. Для послѣдней же цѣли были приглашены особо Елифаній Славинецкій съ нѣкоторыми другими.

Теперь выяснено уже, кто эти другіе: это Арсеній Сатановскій и Дамаскинъ Птицкій, прибывшіе первый съ Слав-

¹⁾ Малоросс. дѣла 1652—1653, № 15. Ср. В. Ундольскій. Замѣчанія для исторіи церк.-пѣвн. въ Россіи.

²⁾ Малороссійскія дѣла 1653, № 5.

³⁾ Коаловскій И. П., о. с., 85.

нецкимъ въ іюль 1649 г., второй въ декабрѣ 1650 г. Но вызовъ ихъ всѣхъ Ртицевымъ не подтверждается ни однимъ документомъ. Первая пригласительная грамота, адресованная въ Кіевѣ Черниговскому епископу Зосимѣ Прокоповичу 30 сентября 1648 г. съ упоминаніемъ о старцахъ Арсеніи, Дамаскинѣ и какомъ-то Кириллѣ Замойскомъ, написана отъ имени царя ¹⁾. Отъ его же имени составлена вторая грамота, посланная 14 мая 1649 г. Сильвестру Коссову, Кіевскому митрополиту, съ приглашеніемъ на службу въ Москву Арсенія и Дамаскина ²⁾, и повлекшая отправленіе въ Москву Арсенія и Епифанія, послѣдняго взамѣнъ не могшаго ѣхать тогда Дамаскина. При чемъ же здѣсь Ртицевъ?—Мы не сомнѣваемся, что вторая часть „свидѣтельства“ „Житія“ точно такъ же преувеличила его участіе въ событіяхъ, какъ и первая, и вполне раздѣляемъ удивленіе проф. Буцинскаго предъ тѣмъ, что ученые кіевляне оставляли будто бы родину по призыву двадцатилѣтняго юноши ³⁾. Но юноша этотъ, не обладая ни такимъ вліяніемъ на государя, ни такимъ крупнымъ историческимъ значеніемъ, какое прописывается ему „Житіемъ“, могъ дать нѣкоторое основаніе своему биографу сказать то, что онъ онъ сказалъ, своей любовью къ наукѣ, своей любознательностью и тяготѣніемъ къ ученымъ малороссамъ, вызваннымъ если не имъ и не по его инициативѣ, то, допустимъ, при его сочувствіи. Есть документы, подтверждающіе свидѣтельство „Житія“ съ этой стороны.

Какъ видно изъ одного слѣдственнаго дѣла (по доносу чернца Саула), въ концѣ лѣта („по лѣту“) 1649 у одного московскаго попа Фомы, который жилъ во рву подъ Троицею, просились въ Кіевъ учиться его духовныя дѣти Ив. Озеровъ и Порфирій Зеркальниковъ ⁴⁾. Необычайность просьбы поставили въ затрудненіе о. Фому и онъ обратился за совѣтомъ къ своему пріятелю, дьячку Благовѣщенскаго собора

¹⁾ Труды Черниговской ученой архивной комиссіи VIII, (1911), 107. 108.

²⁾ Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ, III, № 136.

³⁾ Въ рецензіи на диссертацию г. Козловскаго. (Записки Императорскаго Харьковскаго университета, 1908, 4, 1—6).

⁴⁾ Послѣдній былъ тотъ самый торговый человекъ, который 12 іюля этого года привезъ по царскому указу Арсенія Сатаювскаго и Епифанія Славинецкаго.

Константину Иванову. Тотъ посовѣтоваль не отпускать просителей, во избѣжаніи тяжкаго грѣха. Но Озеровъ и Зеркальниковъ стояли на своемъ и готовы были поставить ни во что и отца своего духовнаго. Они и добились проѣздной грамоты въ Кіевъ, которую промыслилъ для нихъ Ртищевъ именно. Но случилось это уже на исходѣ зимы, гдѣ то предъ 5 марта 1650 г., когда тотъ же мнительный Константинъ велъ бесѣду съ Лучкой Голосовымъ и Иваномъ Засѣдкимъ на тему, нельзя ли воротить ихъ съ дороги, такъ какъ они поѣхали „доучиваться у кіевскихъ старцевъ по латыни“, „а какъ выучатся, и отъ нихъ будутъ великіе хлопоты“. Итакъ Ртищевъ содѣйствовалъ образовательной поѣздкѣ въ Кіевъ двухъ москвичей.

Но это же слѣдственное дѣло устанавливаетъ и болѣе близкія связи его съ кіевлянами и ихъ наукой. Сопедашіеся 5 марта въ кельѣ чернца Саула противники латыни бесѣдовали не только объ уѣхавшихъ въ Кіевъ любителейхъ западнаго просвѣщенія. Они, по извѣту Саула, шептались еще между собою: „учится у кіевлянъ Ѳедоръ Ртищевъ греческой грамотѣ, а въ той де грамотѣ и еретичество есть“. На допросѣ Кѣстка Ивановъ подтвердилъ, что, дѣйствительно, у нихъ на масленицѣ былъ разговоръ у старца Саула, при чемъ Лучка Голосовъ и Ив. Засѣдкій просили его, Константина, извѣстить Благовѣщенскаго протопопа (Стефана Воинфатьева), что „онъ, Лучка, у кіевскихъ чернцовъ учиться не хочетъ: старцы не добрые, онъ де въ нихъ добра не позналъ, добраго ученія у нихъ нѣтъ; нинѣ де онъ манить (угождаетъ) Ѳедору Ртищеву, боясь его, а впередъ де учиться никакъ не хочетъ“, ибо „кто де по латыни научится, и тотъ де съ праваго пути совратится“. „Старцы-кіевляне всѣхъ укоряють и ни во что ставятъ благочестивыхъ протопоповъ Ивана и Стефана и иныхъ; враки де они вракають, слушать у нихъ нечего ¹⁾“...

Въ зиму 1649—1650 г. учить любознательныхъ москвичей латинскому и греческому языкамъ могли только что прибывшіе изъ Кіева Епифаній Славинецкій и Арсеній Сатановскій (послѣдній только латыни: греческаго языка онъ

¹⁾ Приказныя дѣла 1650 г. № 31. Это дѣло было уже использовано С. М. Соловьевымъ, м. Макаріемъ, Н. Ѳ. Каптеревымъ.

не зналъ), не говоря о ранѣе приѣхавшихъ безъ вызова киевлянахъ. Хотя Славинецкій и Сатановскій были приглашены, судя по царской грамотѣ 14 мая 1649 г., „для справки библїи греческие на словенскую рѣчь“,—имъ было поручено и „риторское учене“. Послѣднее выступаетъ какъ цѣль (вторичная) и въ докладѣ объ ихъ приѣздѣ, и въ другихъ мѣстахъ официальныхъ документовъ ¹⁾, и въ литературныхъ памятникахъ ²⁾. И это обученіе было не только въ намѣреніи, но и осуществилось, судя по дѣйствительно составленному Славинецкимъ для учебныхъ надобностей Лексикону, о чемъ говорить и „Житіе“ Ртицева, по тому преданію, которое называетъ рядъ его „учениковъ“ Ртицева, чудовскихъ стариковъ Евѣимія и Германа справщика, Игнатія Корсакова, впоследствии Тобольскаго митрополита, Аѳанасія Любимова, послѣ Холмогорскаго архіепископа ³⁾. Но при всемъ томъ нельзя предполагать, что это обученіе имѣло строго организованный видъ: для того существовала школа Арсенія грека ⁴⁾, а затѣмъ Епифаній слишкомъ много работалъ какъ переводчикъ и какъ оригинальный писатель, чтобы у него оставалось время для систематическаго преподаванія. Всего вѣроятнѣе, что его многіе или немногіе слушатели занимались науками и классическими языками у себя на дому, а къ Славинецкому обращались только съ своими недоумѣніями, проводя у него иногда быть можетъ и цѣлыя ночи. Это могло быть и на Посольскомъ дворѣ, гдѣ сначала жилъ Славинецкій, и въ Чудовѣ монастырѣ, куда онъ затѣмъ былъ перемѣщенъ.

Но возможно, что „Ртицевская школа“ въ томъ или другомъ видѣ помѣщалась и въ домѣ самого Ртицева и что бесѣды съ Славинецкимъ и другими киевскими старцами происходили по временамъ у него. Къ числу учениковъ ея принадлежалъ Лукьянъ Голосовъ, находившійся въ нравственной или служебной зависимости отъ Ртицева. Но онъ

¹⁾ Малоросс. дѣла 1649, № 4, ч. 37; 1652, № 1, л. 2. А. Ю. и З. Р. Ш № 330.

²⁾ Напр. въ исторической запискѣ старца Евѣимія о переводѣ библїи (м. Евгений, Словарь писателей дух. чина, I, 178.)

³⁾ Соболевскій А. И. Переводная литература Московской Руси, 286. Харламповичъ, Борьба школьныхъ влїяній въ допетровской Руси, 95—97.

⁴⁾ Въ 1649—1650, 1652—1656 г. (Харламповичъ, о. с., 88, 89).

уже въ мартѣ 1650 г. выражалъ желаніе, поборовъ свой страхъ предъ нимъ, бросить ученіе „у кievскихъ черницѣ“. Вѣроятно, онъ и бросилъ его теперь или немного погодя, волею или даже неволей. Отъ конца 1650 г. сохранились документы о ссылкѣ его и нѣкоторыхъ его пріятелей въ разные монастыри. Началось дѣло по инициативѣ царскаго духовника Стефана Вонифатьева, который обратился къ одному видному тогдашнему чиновнику, новидимому Гавреневу, съ слѣдующимъ письмомъ: „Господину Ивану Аванасьевичу благовѣщенской протопопъ Стефанъ Вонифатьевичъ челомъ бьетъ. Пожалуй, господине, по прежней своей добротѣ: пишу и Бога молю о Иванѣ Васильевѣ сынѣ Засѣцкомъ, чтобъ тебѣ его пожаловать—сослать въ монастырь въ Боровескъ, въ Пафнутаевъ монастырь, а благовѣщенскаго псаломщика Терентея да тихоновскаго дьячка Ивана ¹⁾ сослать пожаловать вмѣстѣ въ Іосифовъ монастырь, а потомъ тебѣ какъ Богъ извѣститъ о добротѣ твоей, а потомъ за тебя, господина, и за доброту твою Бога молю и челомъ бью“. „Добрый“ Иванъ Аванасьевичъ не измѣнилъ своей репутаціи и 10 октября послѣдовала на просьбу о Стефана рѣшеніе: „сослать ихъ въ монастырь“. Но еще ранѣе, въ сентябрѣ, были отправлены куда-то въ Предтеченскій монастырь Лучка Голосовъ. Всѣ они были возвращены по собственному челобитью, писанному Голосовымъ, 19 декабря. За что они сидѣли „подъ началомъ у духовныхъ старцевъ“—не извѣстно: „за вину“, глухо сказано въ одномъ мѣстѣ, „за страдничьи вины“—пишутъ они сами въ своемъ челобитьи ²⁾. Но принимая во вниманіе характеръ наказанія, а также то обстоятельство, что Голосовъ выступаетъ здѣсь въ компаніи все съ тѣмъ же Засѣцкимъ, съ которымъ онъ весной возмущался противъ кievской науки и представителей и любителей ея въ Москвѣ,—приходится думать, что оппозиція противъ просвѣщенія усилилась и захватила еще новыхъ лицъ, главнымъ образомъ изъ низшаго церковнаго клира. Вѣроятно, новое выступленіе противъ него, сорганизованное Голосовымъ, и повело къ разсылкѣ по монасты-

¹⁾ Въ другомъ документѣ они выступаютъ съ фамиліями: Михайловъ и Давыдовъ.

²⁾ Московскій архивъ Министерства юстиціи. Бѣлгородскаго стола столбецъ № 228, лл. 138—142. 358—360. 433—434 439—446.

рямъ, для вразумленія, противниковъ школьной науки. При этомъ естественно, что противъ нихъ выступилъ протопопъ Ст. Вонифатьевъ, одинъ изъ руководителей современнаго умственнаго движенія въ Москвѣ. Можетъ быть, что это вразумленіе примирило Голосова съ кievской наукой и позволило сдѣлать ему видную дипломатическую карьеру: Начавъ службу съ 20 іюля 1653 г. дьяконъ въ Патріаршемъ разрядѣ, Лукьянъ Тимоѣевичъ Голосовъ съ 1660-хъ годовъ упоминается на службѣ въ Посольскомъ приказѣ. Въ 70-хъ и 80-хъ годахъ они въ качествѣ посла посѣтили четыре раза Польшу и по одному разу Швецію и Австрію. Одно время (1670—1672) онъ былъ дьякомъ Аптекарскаго приказа ¹⁾. Все это должности, которыя предполагаютъ въ немъ знаніе латинскаго языка. И, дѣйствительно, „предсѣдательство“ во „Врачебномъ судилищѣ или приказѣ“, по словамъ Рейтендельса, обусловлено было тѣмъ что Голосовъ хорошо зналъ по латынн.—единственный будто бы изъ уроженцевъ Москвы ²⁾. Мало того, Западную науку Голосовъ полюбилъ не ради практическихъ только интересовъ, а искренно. Судить въ этомъ можно по тому поздравленію, которое онъ поднесъ 23 дек. 1682 г. царевнѣ Софьѣ Алексѣевнѣ. Оно состояло изъ титула царевнѣ, привѣтствія ей, слова о воплощеніи Иисуса Христа, тринадцати стихотвореній для отроковъ, 8 стихотвореній на темы ирмосовъ Рождественскаго канона ³⁾.

Возвращаемся къ Ртицеву и его „школѣ“. Г. Козловскій думаетъ, что она просуществовала до времени Софьи Алексѣевны, хотя и сознается, что о дѣятельности Андреевскаго братства (напомнимъ, что по Козловскому школа находилась въ Андреевскомъ монастырѣ) послѣ смерти Ртицева, умершаго въ 1673 г., ничего неизвѣстно ⁴⁾. Но если у него и было какое-нибудь просвѣтительное учрежденіе въ Воробье-

¹⁾ Бѣлокуровъ С. А. О посольскомъ приказѣ, 120 (Чтенія въ Москов. обществѣ исторіи и древн. російскихъ, кн. 218).

²⁾ Сказанія о Московіи, 98—99 (Чтенія въ моск. общ. ист. и древ. російскихъ, кн. 214).

³⁾ Румовскій, Описание Вологодскаго собора, рукопись № 50. Напечатано привѣтств. И. Шляпкинымъ въ его „Царевнѣ Натальѣ Алексѣевнѣ и театрѣ ея времени“ (Памятники древней письменности, СХХVIII).

⁴⁾ Ѡ. М. Ртицевъ 97.

выхъ ли горахъ или въ самомъ городѣ, то оно недолго пользовалось его благоволеніемъ да и къ малороссамъ онъ съ теченіемъ времени охладѣлъ. Еще въ 1660 г. наказный гетманъ Самко со многими полковниками и старшими казаками выражалъ желаніе, чтобы государь указалъ вѣдать Малороссію окольнічьему Ртищеву, потому что онъ къ нимъ ласковъ, всякую рѣчь объ ихъ прошеніи доносить царю, посланцовъ ихъ заступаеть и что имъ скажетъ, то все правдиво, а „имъ де, казакамъ, старпинамъ и всей черни то любо и надобно и надежны будутъ на великаго государя милость“¹⁾. Скоро послѣ того и Брюховецкій высказалъ мысль, что недурно было бы, если бы Малороссія управлялась кѣмъ-либо изъ вельможъ московскихъ, напр. Ртищевымъ²⁾. Но еще немного—и мы слышимъ другія рѣчи о Ртищевѣ. 20 іюля 1665 г. Симеонъ Полоцкій писалъ въ Кіевъ Кирилловскому игумену въ отвѣтъ на его просьбу походатайствовать за св. мѣста (т. е. за интересы его монастыря): тутъ никого нѣтъ. Благосклоненъ одинъ Феодоръ Ртищевъ, но онъ имѣеть открытыя уши къ голосамъ и другихъ просителей. Все же къ нему я готовъ обратиться... Въ письмѣ же къ братскому ректору Ясинскому, просившему тоже о милостынѣ, Полоцкій отвѣтилъ, что трудно теперь собрать милостыню и совѣты и указанія его мало могутъ имѣть значенія, такъ какъ

Nemo illum amat,

Qui „da, da mihi“ clamat³⁾.

Даже „наше убѣжище“; панъ Ртищевъ, очень отдалился, сдѣлавшись дядькой (dziaduszkiem) государю царевичу, такъ что даже Полоцкому пришлось видѣть его только нѣсколько разъ въ годъ⁴⁾.

Что Ртищевъ не то, что измѣнилъ своимъ малороссійскимъ симпатіямъ, а просто былъ отвлеченъ отъ нихъ, видно изъ не вполне выясненнаго эпизода съ недодавшими имъ деньгами, пожалованными чрезъ него въ 1660 г. въ видѣ

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, VII, Стр. 333.

²⁾ А. Ю. и З. Р. V, № 46. Ср. Эйгоръ В. О., О сношеніяхъ малороссійскаго духовенства съ московскимъ правительствомъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича 175 и пр. 355.

³⁾ Т.-е. Никто того не любитъ, кто кричитъ „дай, дай мнѣ“.

⁴⁾ Типографская бібліотека № 390, лл. 105, 106.

царской милостыни, въ Киевскій Флоровскій монастырь. Хотя біографъ и панегиристъ Ртицева, г. Козловскій склоненъ всячески оправдывать здѣсь Ртицева ¹⁾, но уже этотъ фактъ подрываетъ вѣру въ щедрую благотворительность его самого по отношенію къ малороссійскимъ монастырямъ: хорошо, если онъ добросовѣстно пересылалъ туда хотя то, что жертвовали царь и царица Марія Ильинишна ²⁾...

При всемъ томъ мы не думаемъ, что репутація Θεодора Михайловича, какъ своего рода мецената и покровителя науки и ученія, была совершенно безпочвенна и не хотимъ разрушать ее. Но мы полагаемъ, что слѣдуетъ только нѣсколько ограничить его заслуги на этомъ поприщѣ и избѣгать тѣхъ преувеличеній, какихъ не чуждъ даже такой трезвый изслѣдователь и солидный знатокъ той эпохи, какъ проф. Каптеревъ, самъ едва не первый усомнившійся въ существованіи школы въ Андреевскомъ монастырѣ. А онъ вотъ что говоритъ: „Если царь Алексѣй Михайловичъ стремился обучать своихъ пѣвчихъ греческимъ напѣвамъ, любилъ слушать греческое пѣніе и ученіе въ церкви, старался имѣть въ Москвѣ греческихъ ученыхъ и греческую школу: то Ртицевъ можетъ быть названъ главнымъ и дѣятельнѣйшимъ въ Москвѣ сторонникомъ кievлянъ и кievской учености, энергичнымъ проповѣдникомъ у насъ кievскаго вліянія. Такъ именно на него смотрѣли въ Москвѣ“ ³⁾. Кто смотрѣлъ? — развѣ позднѣйшій составитель похвальнаго ему „Житія“. Анализъ современныхъ документовъ не даетъ видѣть этого. Онъ позволяетъ только допустить, что у Ртицева были связи съ кievлянами, что онъ самъ учился у нихъ и другихъ къ тому располагалъ и что это обученіе происходило, вѣроятно, въ самой Москвѣ, гдѣ и существовала долго ли коротко, въ такой или иной формѣ Ртицевская школа. Что касается Андреевскаго монастыря за городомъ, то тамъ школы никакой не было, хотя и была мысль о ней. Что мысль и даже „тицаніе“ о „свободныхъ мудростей ученіи“, дѣйствительно, были, объ этомъ свидѣтельствуеъ проектъ привиллегіи Московскои академіи 1680 г.,

¹⁾ О. М. Ртицевъ, 97.

²⁾ Ср. проф. Буцинскаго—Записки Император. Харьковскаго Университета, 1908, IV.

„П Никонъ“, I, 139—141. Ср. Богословскій Вѣстникъ, 1908, Мартъ, 498.

по которому предполагалось приписать къ ней въ числѣ другихъ монастырей и Андреевскій—на память о школьныхъ заботахъ Ртищева, которыя теперь приводятся въ дѣйство ¹⁾... Но что школы въ Андреевскомъ монастырѣ не было, убѣдительно доказываетъ умолчаніе о ней старца Евѣимія въ стихахъ въ честь этого монастыря. Здѣсь говорится только о трудолюбіи и нищелюбіи ея обитателей и ни слова—о школьныхъ и научныхъ ихъ занятіяхъ ²⁾. Но понятно, что въ числѣ случайно попадавшихъ въ Андреевскій монастырь южно-русскихъ монаховъ могли быть и учительные старцы ³⁾ и притомъ въ такомъ сравнительно большомъ процентѣ, что они создали какъ бы оплотъ новаго міровоззрѣнія и новыхъ попеченій,—оплотъ, съ которымъ пришлось вѣдаться защитникамъ старыхъ взглядовъ. Отсюда понятнымъ является свидѣтельство автобіографіи Аввакума, что онъ ходилъ въ Андреевскій монастырь „браниться съ отступниками и помиралъ о вѣрѣ и о законѣ“, и отождествленіе „андреевскихъ старцевъ“ съ учеными монахами у Юрія Крижанича.

Но все это далеко не то, что доселѣ ставилось въ счетъ Ѳ. М. Ртищеву.

Проф. К. Харламповичъ.

26 марта 1913 г.

СПБ.

¹⁾ Древняя Россійская Вивлюенка VI², 403—404.

²⁾ Синод. бібліотека, 369, л. 3. Ср. у Козловскаго, о. с., 26.

³⁾ Возможно, что попавшій туда въ 1651 г. Межегорскій старецъ Исаія и есть тотъ Исаія, „товарищъ“ Славинецкаго, который переводилъ вмѣстѣ съ нимъ и съ Сатаиовскимъ.